

Д. А. Ковалева,
ст. преподаватель
Литературного института,
кандидат филологических наук

Народно-разговорная основа поэзии Николая Клюева

Об одной словообразовательной модели в диалектной речи и поэтическом языке «крестьянского» поэта.

Творчество Н. Клюева — одно из самых ярких художественных явлений начала XX века, вобравшее в себя разные пласты культуры, «где встречаются старообрядчество, крестьянская речь, фольклор, литература и рождается своеобразный вариант русской речи».1 Осип Мандельштам писал о нем в 1916 году: «Клюев пришел с величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоится в эллинской важности и простоте». Уроженец деревни Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии (ныне территория Вологодской области), Н. Клюев в своем творчестве постоянно обращался к народной речи Обонежья как к языковому идеалу. Поэт пришел в литературу в то время, когда вопрос о «народе», его роли в религиозной, социальной, политической жизни страны выдвинулся на первый план для нового поколения символистов. «Эта литературная группа закрепляла за народом статус истинного носителя религиозных идеалов России, и Николай Клюев, названный выразителем народного духа, обрел особый духовный авторитет»2. В русской литературе XX века он выступил как зачинатель новокрестьянского направления в поэзии. Стремление сохранить традиции крестьянской культуры, быта, веры, исторической памяти поколений, но прежде всего — народной речи и обусловило использование поэтом диалектных форм и слов в своих произведениях.

Своеобразие поэтического стиля («мужицкого стиха») поэта определяется намеренным употреблением различного рода диалектизмов: фонетических, грамматических, лексических. И если лексика, как правило, получает комментарий при издании произведений Н. Клюева, то грамматические диалектные явления остаются без объяснений и создают трудности при прочтении его текстов. Сам поэт никак не комментирует их, а контекст часто способен спровоцировать читателя, мало знакомого с народно-речевой культурой, на неверное понимание образа. Это особенно относится к словообразовательным средствам, выражающим количественные отношения, в частности, к именам существительным с формантом -ИН(а).

«Состав его (Клюева — Д. К.) поэтического слова весьма сложен: устно-народная речевая основа переплетена нитями высокой книжности, трогательно-наивная обыденная речь расцветает сказочными «адамантами» и «хризопразами», интонации живой современности соседствуют с глубокой архаикой»³. И действенную роль здесь играют формы на -ИН(а) благодаря переплетению литературных и народно-разговорных диалектных элементов. Это заставило нас обратиться к изучению семантических вариаций существительных с суффиксом -ИН(а) в поэтическом творчестве Н.Клюева и в говорах северо-западной диалектной зоны (куда входит и родной говор поэта). Обращение к текстам мегорского и кош-тугского говоров северо-западной диалектной зоны было обусловлено тем, что они записаны на родине поэта, в местах, где он жил почти до сорока лет, где складывалась его речь и где под влиянием старообрядческой и традиционной крестьянской культуры сложились его мировоззрение и бережное отношение к народному языку.

Всего существительных на -ИН(а) в изученных текстах Н. Клюева немного — 68 лексем, но встречаются они многократно и, как правило, в произведениях, посвященных северной родине поэта. Это циклы стихотворений «Песни из Заонежья», «Избяные песни», «Земля и железо», сборник стихотворений «Медный кит», поэмы «Мать-Суббота», «Плач о Сергее Есенине», «Деревня», «Погорельщина» и др. Существительные с формантом -ИН(а) в текстах Н. Клюева неоднородны по своему составу. Подавляющее большинство (40 слов) входят в состав литературного языка. Среди них есть заимствованные слова, например, ТЕРЦИНА 'трехстрочная ямбическая строфа, построенная на рифмовке средней строки каждой терцины с двумя крайними строками следующей ':

Не для тебя, мой василек,
Смола терцин, устава клещи,
Ржаной колдующий восток
Тебе открыл земные вещи:
«Заря-котенок моет рот,
На сердце теплится лампадка»,
Что мы с тобою не народ —
Одна бумажная нападка.

«Поэту Сергею Есенину».

Нужно заметить, что поэт обращается к заимствованию на -ИН(а), когда противопоставляет «истинную», «незримую» крестьянскую Россию «бездушью» городской цивилизации. ЧУЖОЕ слово с формантом -ИН(а) приобретает в этом контексте особую выразительность.

Среди использованных Н. Клюевым дериватов есть такие, которые в толковых словарях даются с пометой «разговорное» (ДЕТИНА 'рослый и сильный молодой мужчина'; ЛУГОВИНА 'небольшой луг'). Но контекст показывает, что поэт воспринимает эти слова либо нейтрально:

Будут ангелы срывать незабудки
С луговин, где был лагерь пик.
«Пусть черен дым кровавых мятежей»,

либо придает им дополнительную эмоциональную окраску:

На припеке цветок алый
Обезлиствел и поблек, —
Свет-детина разудалый
От зазнобушки далек.

«На припеке цветок алый....»

«Высокое» слово КОНЧИНА 'Смерть. Прекращение жизни' у поэта также звучит нейтрально:

Петрова баба, что лебедь речной,
Косы в ладонь, сарафан расшитой,
Мужа кончину без слез приняла...

«Молитва Солнцу»

Помимо слов литературного языка или совпадающих по форме с литературными есть и слова собственно диалектные, которые также неоднородны в своей массе. Среди них есть так называемые «народные» слова, т.е. диалектные существительные на -ИН(а), включаемые с характерологической или стилистической целью в литературные произведения и становящиеся знакомыми носителям литературного языка именно в качестве «народных». Они присутствуют в толковых словарях русского языка, но сопровождаются пометами «народная речь», «народная словесность». К таким народным словам относится СУДЬБИНА 'доля, участь':

Если б ведать судьбину твою,
Не кручинилось бы сердце разлукой...

«Отверженной»,

Сума и ночлежка — судьбина поэта,
За далью же козлик — дымок над избой
Бодается с просинью — внучкою света...
То сон колыбельный, доселе живой.

«Задворки Руси — матюги на заборе»

Но есть в произведениях Н. Клюева и слова, значения которых неизвестны литературному языку, бытуют только в диалектах, и без знания системы диалекта, который лежит в основе творчества Николая Клюева, читатель может не понять смысла, вкладываемого поэтом в произведения. Это такие существительные, как ЛЯДИНА 'возвышенное место, поросшее лесом'; НОЧНИНА 'ночлег, ночевка; ночной промысел (как правило, рыбная ловля)'; КОРЯЖИНА 'дерево с изогнутым корнем'; РЯДНИНА 'домотканый толстый холст' и др. В большинстве случаев производящую базу этих образований установить легко: значение производящей основы понятно читателю. И это позволяет поэту широко использовать существительные с формантом -ИН(а).

И не Веткой ли Палестины
Деревенские дни цвели,
Когда ткал я пестрей ряднины
Мои думы и сны земли

«Нерушимая стена»,

Пахнуло смольным медом
С березовых лядин...
Из нас с Садко-народом
Не сгинет ни один.

«Без посохов, без злата....»

Особую трудность при прочтении клюевских стихотворений составляют энантиосеманты и полисемичные дериваты типа ВАЛЕЖИНА 'срубленное дерево', 'обломанные ветром сучья'; КУПИНА 'куст', 'группа кустов'; ЗАВАЛИНА 'слой соломы вокруг дома для утепления на зиму', 'скамейка на улице у ворот', 'земля, брошенная из-за бесплодия' и т.п. Не всегда до конца ясно, в каком из значений поэт использует слово и не создает ли новое:

Эво, на валежине, словно угли в жарнике,
Половеев лапчатый золотой стихарь...

«Заблудилось солнышко в корбах темнохвойных»,

И атлас с варяжской кольчугой
Обручится вновь, сольет уста...
За безмерною зырянской вьюгой
Купина горящего куста.

«Не хочу коммуны без лежанки»,

Для поэта диалектизмы на -ИН(а) очень важны в эстетическом плане. Как человек, впитавший с детства народную речь, он знает, что рассматриваемые в этой статье слова являются приметой северных говоров, и фактом их употребления Клюев показывает, что традиции крестьянской культуры, народной речи присутствуют в его поэтическом мире. Кроме того, как человек, творящий в сфере литературного языка, он понимает, насколько дериваты на -ИН(а) необычны, экспрессивны для читателя, знакомого только с литературным языком. Поэто-

му он стремится использовать их там, где речь идет о крестьянском быте, традициях, культуре. Формы на -ИН(а) в данном случае являются для поэта показателем истинной «народности».

Эта «народность» проявляется прежде всего в «самом подборе слов, грамматических форм и даже в некоторых фонетических особенностях оформления фольклорных произведений. Определяется такой отбор теми же задачами, которые определяют и выбор языковых средств, используемых в языке художественной литературы, но производится этот отбор не на базе общенародного языка, а на базе того или иного диалекта», — пишет о взаимодействии художественной речи и фольклора Л.И. Баранникова⁴. Подобной базой для поэта являются родные мегорский и коштугский говоры.

Если попробовать, опираясь на контексты, распределить слова на -ИН(а) в произведениях Н. Клюева по группам в соответствии с их значениями, то получается следующая картина: в текстах поэта на первое место выходит лексическое значение **'единичный предмет'**. В эту группу вошли названия предметов, составляющих часть чего-то (ПОЛОВИЧИНА *'одна доска на полу'*, ЛЬДИНА *'глыба льда'*, ГУЖИНА *'одна из кожаных петель в хомуте, с помощью которых прикрепляют оглобли к упряжи'*); названия деревьев, их частей (КОРЯЖИНА *'дерево с изогнутым корнем'*, ВАЛЕЖИНА *'срубленное дерево'*, КУПИНА *'куст'*); названия конкретных предметов (ДОМОВИНА *'гроб'*, ПЕРИНА *'мягкая толстая подушка на кровать'*). Далее у производных с рассматриваемым формантом актуализируется **пространственное значение**. Словообразовательно выраженную семантику пространства реализуют такие производные, как ДОЛИНА *'удлиненная впадина'* ЗАВОДИНА *'небольшой залив в реке с медленным течением'*, ПРОТОЧИНА *'промытое водой отверстие'* и под. Активно используются поэтому слова со значениями **характеристики действия, состояния, признака** (НОЧНИНА *'ночлег; ночной промысел'*, СУДЬБИНА *'судьба'*, БЫЛИНА *'сказание о старине'*), **собирательности и вещественности**: названия сортов мяса (ЛОСОСИНА, ГОВЯДИНА), названия материалов (СЕРМЯЖИНА, ХОЛСТИНА, РЯДНИНА, ВОСКОВИНА), собирательные с «растительной» семантикой (КУПИНА *'группа кустов'*, ВАЛЕЖИНА *'сучья, обломанные ветром'*), наименования совокупностей одежды (ОДЕЖИНА), **зоонимы** (СИГОВИНА). **Малоиспользуемыми** поэтом являются **существительные со значением лица** (ЖЕНЩИНА, ДЕТИНА).

Рассматриваемая семантическая структура словообразовательных средств с формантом -ИН(а) в творчестве Н. Клюева практически полностью совпадает с семантической моделью существительных на -ИН(а) в северо-западной диалектной зоне, где самым актуальным значением у производных является количественное значение **единичности**. Кроме этого дериваты с формантом -ИН(а) способны выражать **собирательное и вещественное** значения, **абстрактное и пространственное** значения. Большое количество номинаций именно в этих семантических сферах демонстрирует значимость соответствующих фрагментов в языко-

вой картине мира диалектоносителей и ценность самих количественных характеристик, активно используемых в важных для русского крестьянина предметных областях. **Производные на -ИН(а) со значением лица не являются актуальными**, как для поэтического языка Н. Клюева, так и для северо-западной диалектной зоны исконного заселения.

Таким образом, семантическая структура существительных с формантом -ИН(а) в поэтических текстах совпадает с семантической моделью северных и среднерусских западных говоров, что свидетельствует, на наш взгляд, не только о стилистическом мастерстве «крестьянского» поэта, но и о сильном влиянии родного говора на языковую личность самого Н. Клюева.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гольдин В. Е. Народно-разговорное начало в поэзии Н. Клюева // История и география старообрядческих говоров. М., 1995, с. 35.
- ² Ronald Vroon Старообрядчество, сектантство и «сакральная речь» в поэзии Н. Клюева. Los Angeles, 1992.
- ³ Гольдин В. Е. Указ.соч., с. 28.
- ⁴ Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период (К проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов, 1967, с. 21.